



И. С. Свенцицкая

## ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЯХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ЭЛЛИНИЗМА

Для выяснения особенностей развития различных областей рабовладельческого мира и различных этапов этого развития большое значение имеет исследование положения разнообразных категорий зависимого и полузависимого населения. Для периода эллинизма основное внимание уделялось, как правило, положению зависимых крестьян на царских землях<sup>1</sup>. Однако в целом ряде районов, в частности в Западной Малой Азии, в период эллинизма наряду с царскими землями значительное место занимали земли, принадлежащие полисам. Достаточно вспомнить факты дарения и продажи царями земли городам<sup>2</sup>. По мнению Т. Завадского (ук. соч., стр. 67—68), земля, находившаяся в личной собственности царя, занимала далеко не ведущее место в системе эллинистических монархий. О положении зависимых крестьян, живших на землях городов, нет ни одного специального исследования. Более подробно на этом вопросе останавливался только М. И. Ростовцев в работе о римском колонате<sup>3</sup>. Его точка зрения, повторенная затем в «Социальной и экономической истории эллинизма»<sup>4</sup>, сводится к тому, что зависимые крестьяне, оказываясь на земле города, как правило, становились свободными. Д. Мэджи собрал большой материал о существовании зависимых от города деревень, но привел его только в примечаниях, специально не разбирая его<sup>5</sup>. А. Б. Ранович, подробно исследовавший положение земледельцев на царских землях, отмечает лишь неизбежность изменения положения крестьян при включении бывшей царской земли в территорию полисов<sup>6</sup>. Поэтому кажется необхо-

<sup>1</sup> См., например, А. Б. Ранович, Зависимые крестьяне в Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 28 сл.; К. В. Хилинский, *λαοί* в Малой Азии, ЖМНП, 1904, март, стр. 106 сл.; M. R o s t o w z e w, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Lpz., 1910, стр. 240 сл.; E. V i k e r m a n, Institutions des Séleucides, P., 1938, стр. 176 сл., и др. Одной из немногих работ, где городские земли Малой Азии рассматриваются вместе с царскими, является интересная работа T. Z a w a d z k i, Z zagagnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu, Poznań, 1952.

<sup>2</sup> Например, продажа одним из селевкидских царей земли Питане (OGIS, 336), передача городу Эзанам земли царями Аталом и Прусией (OGIS, 502), дарование Птолемею II земли Милету (RC, 14), присоединение к городу Парию приапенской земли по распоряжению пергамских царей (S t r a b o, XIII, 1, 14).

<sup>3</sup> R o s t o w s e w, Studien..., стр. 262.

<sup>4</sup> M. R o s t o v t z e f f, SEHW, стр. 1103.

<sup>5</sup> D. M a g i e, Roman rule in Asia Minor, Princeton, 1950, стр. 1023.

<sup>6</sup> А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 105.

димым собрать данные источников, касающиеся положения сельского населения на территории, приписанной к полисам.

Зависимые группы сельского населения существовали на землях ряда греческих городов Малой Азии и до завоевания Александра Македонского. Древние авторы указывают на существование зависимых от Гераклен мариандинов (Athen., VI, 264 d — e; Strabo, XII, 3, 4), на делегов, подчиненных карийцам (Athen., VI, 263d). Положение этих зависимых групп обычно сравнивается с положением илотов, причем это сравнение, по существу, является в этих случаях общим местом.

Более конкретные данные, хотя и очень отрывочные, содержатся в надписях конца IV — начала III века до н. э. В надписях Приены этого времени встречаются указания на существование подчиненного сельского населения — педиеев (Inscriptionen v. Priene, №№ 3, 14, 15, 16). В надписи (№ 3) в честь эфесца, которому даруется проксения и право владения землей, оговариваются следующие условия: τῶν δὲ κτημάτων ὧν [οἱ πεδ]ιεῖς ἐκέρχονται μὴ εἶναι αὐτῷ κτ[η]λασθαί «ему не должно владеть землей, которой владеют педиеи». В остальных надписях, где упоминаются педиеи, речь идет о борьбе их с Приеной, о разграблении ими приенских земель. В постановлении города Зелеи, близком по времени к приенской надписи (конец IV в. до н. э., SGDI, 5532), в котором говорится о расследовании дел относительно перехода общественных земель в частные руки, сказано: ἀνδρας ἐνν[έα] τῶν πολιτῶν ἐκ τοῦ δήμου ἀνευρετὰς τῶν χωρίων τῶν δημοσίων, ὅσα μὴ Φρύγες ἔχοντες φόρον ἐτέλειον («должно выбрать девять человек граждан из демоса, производящих обследование общественных земель, за исключением тех, за которые имеющие их фригийцы платили флорос»). Таким образом, судя по этим надписям, можно считать, что часть земель ряда греческих городов обрабатывалась зависимым сельским населением, платившим городу определенную подать. Эта земля не могла находиться в частных руках граждан полиса, но в то же время, как показывает зелейская надпись, педиеи и фригийцы не являлись собственниками земли. Их земля входила в разряд общественных земель города<sup>1</sup>. Мы не знаем, какова была организация педиеев и фригийцев, обрабатывавших полисные земли, но, поскольку и в более поздний период основное сельское население жило общинами (κ[ο]μ[α]ί), можно думать, что педиеи и фригийцы также были общинниками. Возможно, что специальная оговорка приенской надписи, запрещающая приобретать земли педиеев частному лицу, указывает на то, что в конце IV в. до н. э. были попытки захвата этих земель, так же как и остальных общественных земель (о которых идет речь в зелейской надписи), в частные руки. С этой точки зрения интересна другая надпись Зелеи того же времени, представляющая собой ряд постановлений о даровании прав гражданства, права владения землей и других привилегий (SGDI, 5533). В шестом постановлении этой надписи даруется в числе прочих пожалований половина клера, дом и еще ΛΕΩΝ ΑΥΤΟΙΚΟΝ. Место это сомнительно. А. Б. Ранович (ук. соч., стр. 34—35), подробно останавливаясь на этой надписи, обращает внимание на то, что в тексте надписи пропущен пункт о даровании политики; по его мнению, надпись из Зелеи остается

<sup>1</sup> Глагол κτ[η]ορ[α]ί, употребленный в отношении педиеев, означает в данном случае владение, а не собственность. Специально значение этого глагола разобрал В. В. Струве, Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте, ЖМНП, 1915, ч. 55, стр. 14 сл. По его мнению, этот глагол в приенской надписи означает владение, вытекающее, вероятно, из наследственной аренды. Однако малоазиатский материал не дает возможности говорить о применении каких-либо форм аренды в отношении зависимого населения. Скорее всего, в отношении педиеев речь идет о наследственном владении землей общинами.

неясной. Вряд ли можно предположить вместо ΛΕΟΝ ΑΥΤΟΙΚΟΝ — ΠΟΛΙΤΕΙΑΝ. Дарование политики обычно ставится на одно из первых мест и до указания на дарование права владения землей<sup>1</sup>. Вероятно, в этой надписи речь, действительно, идет о даровании земли с зависимыми крестьянами. Если эта интерпретация надписи правильна, то можно предположить, что в конце IV в. до н. э. зависимые от города земледельцы могли по особому распоряжению города передаваться частным лицам.

На основании этих немногочисленных данных можно думать, что ко времени образования эллинистических государств ряд малоазийских полисов эксплуатировал зависимое сельское население. Греко-македонское завоевание распространило отношения зависимости на основные массы сельского населения покоренных областей. Создание крупных городских центров, развитие частной собственности — все эти факторы ускорили процессы, происходившие уже и раньше, и изменили положение зависимого населения Малой Азии. Большие территории оказались приписанными ко вновь основанным или развившимся из небольших поселений городам. В зависимости от этих городов попали также прежде самостоятельные общины. Так, в частности, оказались подчиненными Стратоникее сельские поселения, входившие в объединение вокруг святилища Зевса Хризаорейского (Strabo, XIV, 2, 25). В источниках имеются сравнительно многочисленные указания на существование местных племен и общин, подчиненных полисам. На землях, подвластных Кизикю, жили племена долионов и мигронов (Strabo, XII, 8, 10). Деревни, принадлежавшие городу Кибире, тянулись от Писидии до Ликии и владений родосцев на материке (Strabo, XIII, 4, 17). Имеются упоминания о деревнях на территории Лампсака (SEG, IV, 668), Смирны (LBW, 1534), Тиа-тиры (IGRR, IV, 1237), Филадельфии (OGIS, 488) и т. п. Все эти территории, населенные туземными племенами, образовали χωρά эллинистического полиса, жители которой не входили в гражданский коллектив города. Во многих эллинистических полисах существовала особая должность для контроля над этой территорией. Так, должность στρατηγός ἐπὶ τῆν χωράν встречается в надписях Миласы (BCH, LVIII, 1934, 2, стр. 549), Алабанды (BCH, V, 1851, стр. 150). Интересно, что в Алабанде, наряду со стратегом, ведавшим хорой, был еще стратег εἰς τοὺς δήμους (BCH, X, 1886, стр. 312): стратег ἐπὶ τῆν χωράν ведал территорией, не поделенной на демы и населенной негражданами, стратег εἰς τοὺς δήμους ведал гражданским населением.

В эллинистических надписях III—I веков до н. э. для обозначения различных категорий негражданского населения широко применяется выражение κατοικοῦντες τῆν πόλιν καὶ τῆν χωράν. Выражение это в большой степени неопределенно. Сам по себе глагол κατοικέω не является противопоставлением глаголу πολιτεύω и иногда встречается просто в значении «жить», «обитать» (напр., Inschr. v. Magnesia, 17). Однако в большинстве надписей эллинистического времени он встречается в формуле οἱ

<sup>1</sup> См., например, многочисленные декреты о даровании политики и права владения землей Калимвы (M. Segre — I. Pyrgielli, Tituli Calymnii, «Annuario della scuola archeologica di Atene e della missione italiana in Oriente», XXII—XXIII (1952), № 10, 18, 34 и др.). Поскольку за словами ΛΕΟΝ ΑΥΤΟΙΚΟΝ непосредственно следует испорченное место: ΤΕΛΕΙΑΝΑΓΟΡΑΠΙΤΕΛΕΩΝ, можно думать, что и в предыдущие слова вкралось искажение. Мне кажется возможным предположить, что в слове αὐτοϊκων единственное число является следствием ошибки резчика, сделанной им под влиянием ряда предшествующих слов в единственном числе (вместо αὐτοϊκοῦς). В таком случае ΛΕΩΝ является Gen. Partitivus — Клеандру передаются те из «народа», которые имеют собственные дома, т. е. постоянно живут на этом участке земли.

πολιται και οι κατοικοῦντες τὴν πόλιν και τὴν χώραν. Такое противопоставление привело к тому, что и без упоминания граждан этот причастный оборот стал означать лиц, стоящих вне гражданского коллектива<sup>1</sup>.

Кардинали, специально исследовавший это выражение, пришел к выводу, что оно может относиться или ко всем негражданам, или к определенным группам неграждан, в зависимости от контекста — метекам, жителям деревень, катекам и т. п.<sup>2</sup>. Характерно, что, когда необходимо подчеркнуть юридическое положение той или иной группы населения, употребляется более конкретный термин<sup>3</sup>. Широкое употребление в эллинистических надписях такого общего термина, как κατοικοῦντες τὴν πόλιν και τὴν χώραν связано с увеличением негражданского населения полисной территории и разнообразием в его положении. В одной надписи из Фиска (Родосская Перея) перечисляются категории населения этого небольшого городка — надпись поставлена ὑπὸ τῶν κατοικούντων και γεωργούντων και ναυκλαρούντων και παρεπιδαμούντων<sup>4</sup>. Различные категории ксенов, метеки, зависимое сельское население, которое тоже, вероятно, находилось в различном положении<sup>5</sup>, — таков был состав негражданского населения города. В надписях Родоса эллинистического времени упоминаются κατοικεῦντες ἐν Λινδίαι πόλει και γεωργεῦντες ἐν τῇ Λινδίαι<sup>6</sup>. К. М. Колобова предполагает, что это потомки местного населения, покоренного дорийцами<sup>7</sup>. В эту категорию входили, вероятно, и какие-то новые группы негражданского населения, поселившиеся на Родосе в период III — I вв. до н. э. В другой, более ранней родосской надписи (II в. до н. э.) говорится о выборе хорегов в Линде (IGI, I, 762). Помимо хорегов из граждан, выборы производятся ἐκ τῶν κατοικούντων και γεωργεῦντων ἐν Λινδίαι πόλει ξένους ἕξ. Вряд ли потомков местного населения можно назвать ксенами. Более вероятно, что целый ряд лиц, переселившихся на Родос из других областей, получили право обрабатывать землю Линда<sup>8</sup>, и именно из этих лиц выбираются хореги.

Интересно, что в эллинистических надписях перестают употребляться для обозначения зависимого населения прежние этнические названия.

<sup>1</sup> См., напр., 'Εφ. 'Αρχ., 1911, стр. 62 — надпись в честь родосского стратега только от имени κατοικοῦντες τὴν πόλιν και τὴν χώραν.

<sup>2</sup> G. Cardinali, Note di terminalogia epigraphica, «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei» (classe di scienze morale, storiche e filologiche), seria quinta, т. XVII (1908), стр. 189 сл.

<sup>3</sup> Например, в надписи Магнесии на Меандре (Inscr. v. Magnesia, 65), где речь идет о заселении Милета, для обозначения определенной группы негражданского населения употреблен глагол μετακίω.

<sup>4</sup> P. M. Fraser and G. E. Bean, The Rhodian Peraea and the islands, L., 1954, № 1.

<sup>5</sup> В разном положении по отношению к полису должны были находиться прежде автономные сельские общины на вновь присоединенных к городу территориях и более древнее зависимое население.

<sup>6</sup> «Clara Rhodos», II (1932), № 48 — I в. до н. э.

<sup>7</sup> К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 94—95. К. М. Колобова рассматривает κατοικεῦντες και γεωργεῦντες как одну и ту же группу лиц и на этом основании предполагает, что члены этой группы имели право на владение домом в городе и землей на сельской территории. Однако приведенная выше надпись из Фиска дает возможность думать, что это — разные категории наряду с ναυκλαρεῦντες и παρεπιδαμούντες.

<sup>8</sup> В каких-то случаях жители одного города могли обрабатывать землю другого, возможно, уплачивая поземельную подать. На это указывает надпись о споре из-за земли Приены с Самосом (OGIS, 13), где говорится: Σαμίων δὲ οὐδένα παραγενέσθαι παρίταν πλὴν εἰ τις ἐτύχῃανεν παρ' αὐτοῖς κατοικῶν τούτους δὲ ἀπὸ τῆς γῆς γινόμενον προσενηχάσθαι Приηνέυσι. — «Никто из самосцев там не находился вообще, за исключением тех, которые оказались „живущими около“ (катеками?), те же были полезны приенцам плодами с земли» (восстановление последней части фразы, как указывает Диттенбэргер, сомнительно).

В приенских надписях последнее упоминание педиеев датируется началом III в. до н. э. Вместо этого термина употребляется общее для эллинистических надписей выражение — *κατοικοῦντες τῆν χώραν* (Inscr. v. Priene, № 104; 111; 118; 182), или в одной надписи III века до н. э. — *οἱ ἀπὸ τῆς χώρας* (там же, № 17). Педиеи слились с остальной массой сельского населения приенской хоры и перестали существовать как особая социально-этническая категория<sup>1</sup>. То же, по всей вероятности, произошло и с лелегами, которых, по свидетельству Филиппа из Феангелы (Athen., 263d), карийцы эксплуатировали *πρότερον καὶ νῦν* (то есть в III в. до н. э.). Страбон же пишет, что род лелегов исчез (Strabo, XIII, 1, 59). Можно думать, что лелеги, слившись с карийцами, вошли в общую массу зависимого от полисов Карики населения.

Одно из наиболее ранних упоминаний общего выражения *κατοικοῦντες ἐν ταῖς χώραις* на территории города содержится в письме Приене Александра, в котором он определяет статут города и окружающих его территорий. Часть приенских земель становится царской, а жители деревень должны платить подать царю<sup>2</sup>. Интересно начало надписи. Приенцы, живущие в Навлохе, остаются свободными и автономными и имеют право владеть землей и домом<sup>3</sup>. Дальше идет сильно испорченное место: *ὁ [σοὶ δὲ μὴ] Πριηνε[τῶν] ἐ[ν] ἐν χώραις] αἰς δέω[νται] αὐτοῖς . . .* (восстановление Гиллера фон Герtringена, которое также принимает Тод). Если восстановление этой части надписи правильно, то мы имеем здесь юридическое прикрепление сельского населения приенской территории к своей общине, *χώρη*.

Для III—II вв. очень мало данных, которые позволили бы более подробно судить о положении тех или иных общин на территории малоазийских полисов. Т. Завадский (ук. соч., стр. 74) считает возможным говорить о сходстве в положении населения царских и городских земель. По его мнению, земледельцы на царских землях представляли собой две группы: 1) крестьяне, лишённые свободы передвижения; они рассматривались как собственность царя; 2) автономные сельские общины, население которых продолжало пользоваться личной свободой и свободой передвижения. Те же категории существовали и на городских территориях. О положении первой категории на царских землях можно судить по надписи о передаче земли Антиохом II своей разведенной жене Лаодике<sup>4</sup>. Согласно этой надписи, Лаодике передается земля, находящиеся там *λαοὶ* «со всем домом и со всем, что им принадлежит, и с доходами 59 года в тридцать талантов серебра, равным образом, если кто из этой деревни переселился в другие места, с тем, что она (т. е. Лаодика.—И. С.) будет освобождена от налогов в царскую казну и будет в праве приписать к какому угодно полису». Таким образом, зависимые крестьяне оказываются прикрепленными к земле,

<sup>1</sup> Ростовцев, SEHWW, стр. 179, предполагает, что после греко-македонского завоевания одни из педиеев оказались на царской земле и стали *λαοὶ βασιλικοὶ*, другие были *λαοὶ* частных лиц, большинство же из них жило в деревнях и платило поземельную подать городу.

<sup>2</sup> Inscr. v. Priene, № 1. См. также M. N. Todd, A selection of Greek historical inscriptions, Oxf., 1946, II, стр. 242 сл.

<sup>3</sup> Навлох — городок в устье Меандра (P l i n., HN, 113). Тод (там же, стр. 244) предполагает, что Навлох служил портом для Приены. Он считает также, исходя из того, что в 550 г. до н. э. Навлох чеканил собственную монету, что Александр фактически отдал Навлох Приене, объявив граждан Приены автономными, а остальным приказав жить в деревнях. Однако трудно предположить, что граждане Навлоха переселялись в деревни. Вероятнее, что Навлох еще раньше был присоединен к Приене и его граждане стали гражданами Приены. Прикрепление же к деревням касалось исконого сельского населения.

<sup>4</sup> RC, 18, 20. Об этой надписи см. Р а н о в и ч, Эллинизм..., стр. 151 сл.

платят подать и могут быть переданы царем вместе с землей частному лицу. Положение более свободной общины рисует нам письмо Евмена к деревне кардаков<sup>1</sup>: «Царь Евмен Артемидору. Было прочитано мной то, что ты пишешь в письме, которое передали живущие (*κατοικοῦντες*)<sup>2</sup> в деревне кардаков: так как, расследовав (дело), ты находишь их терпящими убыток в своих хозяйствах, прикажи, чтобы им было разрешено иметь землю, которую они купили у Птолемея, деньги же не заплатили потому, что большинство из них исчезло; серебра с них не взыскивать. И затем следует исправить размеры подати — с каждого взрослого — родосскую драхму и четыре оболы. В отношении тех, которые, потерпев убыток в своих хозяйствах, отягощены (недоимками), освободить от приписанного им за 16 лет, а с семнадцатого года (взимать) родосскую драхму и обол. И в отношении всего, что они ввозят из чужой страны (*ὑπερορίᾳ*), быть им свободными от налогов в течение трех лет, а тем, кто ушел из этого места, теперь же хочет вернуться, — в течение двух лет; исправить бывшую у них башенку, чтобы иметь укрепления, наняв архитектора; остальную работу пусть делают сами»<sup>3</sup>.

Жители этой деревни платят царю подушную подать, ведут торговлю и имеют относительную свободу передвижения. Правда, тем, кто ушел и хочет вернуться, даруется ателия в течение не трех, а только двух лет. Казалось бы, что логичнее было увеличить срок действия ателии именно для возвращающихся, поскольку им приходилось заново устраивать свое хозяйство. И если Евмен не сделал этого, то, вероятно, потому, что уход из селения являлся фактом предосудительным, если не противозаконным — и при всем своем стремлении привлечь обратно ушедших общинников Евмен не хочет поставить их в одинаковое положение с оставшимися. Организация сельского населения в общины и уплата податей при большей или меньшей степени зависимости от верховного собственника земли — таковы основные особенности в положении царских земледельцев. Те же самые черты можно наблюдать и в отношении основной массы земледельцев, обрабатывавших городскую землю. В одной из надписей г. Аполлонии в Кarii упоминаются «священные» (т. е. храмовые) деревни, находящиеся на территории города. Из-за этих деревень происходит спор между царскими чиновниками и представителями города. Эти последние просят не менять положения принадлежащих городу территорий (*μῆδ' ἐν τῷ [πολιτῶ]ρχούτων τῷ δήμῳ κλυτὴν ἐκτὶ τῆς αὐτοῦ πρα. . . .*), оставить все, как было до тех пор. Судя по тому, что в споре принимал участие царский уполномоченный по финансам, можно предположить, как это и делают издатели, что спор шел из-за доходов этих деревень<sup>4</sup>. Деревни, находившиеся на городской земле, платили городу подать так же, как подчиненные царю платили подать в царскую казну.

Некоторое представление о внутреннем устройстве подвластных городу деревень дает надпись I века до н. э. из окрестностей Кизика: «Фракиокометы посвящают богу стелу за хороший урожай и сохранение плодов, за

<sup>1</sup> «Clara Rhodos», IX (1939), стр. 190.

<sup>2</sup> Здесь употреблен тот же самый оборот, что и в многочисленных надписях эллинистических городов.

<sup>3</sup> По мнению издателя надписи М. Сегре, речь в письме идет о кардаках, которые сражались в армии Антиоха при Рафии, а затем были поселены им около Тельмеса. По апамейскому миру этот район был отдан Цергаму, и жители поселения оказались на положении зависимых земледельцев. Покупка ими земли могла быть произведена в тот период, когда Ликия находилась под властью Антиоха, а поселение представляло собой военную колонию. Купленные земли вошли в состав цергамского царства, и царь как верховный собственник разрешает кардакам пользоваться ею.

<sup>4</sup> J. et L. R o b e r t, La Carie, II, P., 1954, стр. 285—286, № 166; о сущности спора см. стр. 297.

здоровье и безопасность владеющих землей, объединенных вокруг божества и живущих в Фракиокоме. Медий, сын Стратона, по обещанию заново поставил богу и кометам, будучи первым диойкетом, на собственные средства»<sup>1</sup>.

Судя по этой надписи, в фракийской деревне существовали три категории жителей: владеющие землей, объединенные вокруг святилища и категория, которая просто названа «живущие в деревне». Интерес вызывает термин  $\gamma\epsilon\omicron\kappa\tau\iota\tau\alpha\iota$ . По мнению Ростовцева, это сами кометы<sup>2</sup>. По мнению издателя надписи, — это люди, которым город дал право арендовать землю, прилегающую к деревне. Во всяком случае, геоктиты были людьми, получившими право на индивидуальное владение землей в пределах этой деревни. К сожалению, нельзя выяснить, были ли они гражданами полиса или выделены из сельской общины<sup>3</sup>; «объединенные вокруг божества» — очень неясное выражение, вероятно, это люди, связанные со святилищем, которое являлось центром данного поселения, может быть, храмовые служители. Стелу ставит первый диойкет деревни — таким образом, в I в. до н. э. мы видим возникновение новой магистратуры, связанной с хозяйственными функциями. До нас дошла еще одна надпись приблизительно того же времени и также из окрестностей Кизика — посвящение богу от имени диойкета, диаконов и надзирателей за вином<sup>4</sup>. Существование таких должностей, как диойкет и  $\sigma\iota\upsilon\phi\upsilon\lambda\alpha\kappa\tau\eta\varsigma$ , свидетельствует о попытке города наладить постоянный контроль за хозяйственной деятельностью сельских производителей.

Судя по надписи фракиокометов, можно думать, что земли деревень, подчиненных Кизику (вероятно, так же как и другим полисам), уже не целиком принадлежали общине, но часть из них попала в руки землевладельцев то ли на правах собственности, то ли на правах владения. Однако общинная организация продолжала сохраняться — на это указывает существование особых должностных лиц, контролировавших общинное хозяйство. Деревни на городских территориях обладали некоторой экономической самостоятельностью, вероятно, большей, чем на царских землях, поскольку эти деревни оказываются втянутыми в торговлю полисов. Уже из письма Антигона о синоиклизме Теоса и Лебедоса мы узнаем, что деревни имели право продажи; на рынке определенного количества сельскохозяйственных продуктов под контролем городских чиновников<sup>5</sup>.

Общинные земли существовали и в I в. н. э. Надпись из деревни, принадлежавшей Филадельфии, свидетельствует о разделении общинного поля по постановлению народного собрания и герусии (вероятно, преобразованной из совета старейшин) между жителями этой деревни (OGIS, 438). Надпись указывает также на постепенное развитие индивидуального землепользования.

Земли, обрабатываемые зависимыми земледельцами, являлись собственностью города. В I — II вв. до н. э. земледельцы не рассматривались как владельцы земли. Если в приенской надписи конца IV века до н. э. глагол  $\kappa\tau\alpha\omicron\rho\alpha\iota$  относился к педиеям, то в надписях II — I веков вла-

<sup>1</sup> F. W. Hasluck, *Inscriptions from Cyzicus neighbourhood*, JHS, XXIV (1904), стр. 21 сл.

<sup>2</sup> R o s t o w z e w, *Studien...*, стр. 263, прим. 1.

<sup>3</sup> Броутон приводит малоазийскую надпись (ESAR, IV, стр. 639), где упоминаются геоктиты: это посвящение «за жену и детей и геоктитов и кометов». Здесь кометы и геоктиты выступают как разные категории.

<sup>4</sup> Ath. Mitt., X (1885), стр. 203—204.

<sup>5</sup> RC, 3<sub>98-101</sub>: «Что касается деревень и усадеб, которые находятся за пределами города, мы считаем, что необходимо обязать каждого зарегистрировать определенное количество зерна, которое он хочет вывезти из сельской территории ( $\gamma\upsilon\rho\omicron\kappa\iota\alpha\varsigma$ ), так что он может его вывезти, объявив об этом агораному и уплатив пошлину».

деющие земель и обрабатывающие землю представляют две различные категории. В договоре Милета с Гераклеей от 180/78 г. до н. э. есть пункт, согласно которому как владеющие землей в Милете (τινες τῶν ἐκτημέων ἐν τῇ Μιλησίῳν χώρᾳ — имеются в виду владеющие землей неграждане), так и обрабатывающие землю (ἢ γεωργούντων) имеют право прогонять скот через Гераклею и ее землю на тех же основаниях, что и милетяне (ὡς μὲν Μιλησίῳι ἄγουσι...) (SIG<sup>3</sup>, 633). Такое же противопоставление γεωργοῦντες и ἐνεκτήμενοι встречается в более поздней надписи Коса (I в. н. э. — IGRR, IV, 1087). В период империи термин γεωργός становится синонимом термина колон<sup>1</sup>. Т. Завадский (ZSAS, стр. 74) считает, что категория населения, подобная педиеям, которые владели землей, и γεωργοῦντες, лишённые прав владения, являются совершенно различными категориями, сосуществовавшими друг с другом. Однако, как кажется, для такого утверждения нет достаточных оснований. Педиеи не встречаются в надписях позднее начала III в. до н. э. Можно думать, что педиеи и γεωργοῦντες — разновременные категории. Отсутствие у земледельцев права владения землей явилось следствием дальнейшего развития отношений зависимости. Эллинистический полис выступал как собственник общественных земель, в том числе и земель, которые обрабатывались жителями зависимых деревень. Земли деревень могли продаваться, сдаваться в аренду и закладываться. В одной из надписей I века до н. э. из Олима, небольшого городка около Миласы, говорится о покупке храмом земли с виноградником в деревне Кибимах (земля покупается не у деревни, а в ней, т. е. продавцом земли выступал, вероятно, город)<sup>2</sup>. Из надписи Миласы того же времени мы узнаем, что участок земли в Λεοκῆ χώρῃ с виноградными лозами находится в аренде, а другой участок заложен (SGDI, 5755). Вероятно, именно благодаря продаже, сдаче в аренду и т. п. образовался в деревнях слой геоктитов, о которых говорится в надписи фракикокометов. Мы не имеем прямых упоминаний о передаче городской земли в частные руки. Однако уже тот факт, что получившие землю от царя приписывали ее к полису, показывает, что на землях, подчиненных городу, частные владения были обычным явлением<sup>3</sup>. Бикерман считает, что вне земель, принадлежавших городу, полной частной собственности не существовало<sup>4</sup>. Земли частных владельцев обрабатывались либо рабами<sup>5</sup>, либо они должны были обрабатываться с помощью зависимого населения, оказавшегося на землях, переданных частным лицам царем или городом. Завадский (ZSAS, стр. 75) предполагает, что λαοί на землях частных лиц, полученных ими от царя на правах собственности, продолжали оставаться в подчинении царю. В качестве доказательства он ссылается на надпись о даровании Антиохом I Аристоклиду укрепления Петры с прилегающими к нему участками земли, которые раньше находились у другого владельца. В конце надписи — следующая оговорка: «Если же царские земледельцы из того округа, где находится Петра, пожелают жить

<sup>1</sup> Эволюция термина γεωργός характерна как показатель изменения положения сельского населения в античных государствах. Если в IV в. до н. э. Демосфен (Adv. Ласк., 32) мог употреблять этот термин для обозначения землевладельца, то начиная с периода эллинизма им называют крестьян, находившихся в той или иной степени зависимости.

<sup>2</sup> BSA, XXII (1917/18), стр. 196, № II.

<sup>3</sup> В источниках упоминаются частные владения на землях городов Западной Малой Азии: RC, 3<sub>98</sub>; Inschr. v. Priene, 17; 18; Inschr. v. Magnesia, 93<sub>c15</sub>; BCH, V (1881), стр. 492 и др.

<sup>4</sup> Bikerman, Institutions..., стр. 183.

<sup>5</sup> Inschr. v. Priene, 18, где даруется ателия Лариху, сыну Лаомедона, на скот и рабов, находящихся в хорэ и в городе.



в Петре ради безопасности, мы приписываем Аристодикиду разрешить им жить» (РС, 11). Однако, как кажется, приведенное место не дает оснований для сделанных Завадским выводов. В этой надписи, в противоположность надписи о продаже земли Лаодике, не указывается передача λαοί. Аристодикиду передается не весь округ (τόπος)<sup>1</sup>, в котором находится Петра, а только определенное количество плетров, λαοί, о которых идет речь в надписи, являются земледельцами, обрабатывающими оставшуюся в этом округе царскую землю. Именно поэтому они и названы здесь βασιλικοί λαοί, чего нет в надписи Лаодики, поскольку в последнем случае земледельцы переходят в полное распоряжение нового собственника.

О положении зависимых земледельцев на частных землях можно судить по надписи Мнесимаха о закладе земель храму Артемиды<sup>2</sup>. Правда, основная часть его земли, расположенная около Сард, была не собственностью Мнесимаха, а владением, которое царь имел право отобрать. Но наряду с деревнями (κῆμαι) и клерами, с которых взималась подать в царскую казну, у Мнесимаха были еще земли, которые податью не облагались. В конце I столбца надписи, после перечисления деревень и клеров и размеров подати с них, указываются еще сады и приусадебные участки: «А за усадьбой в Тобалмурах находятся дома земледельцев (λαῶν) и рабов и два сада в шестнадцать артаб засева и в Периасасотрах приусадебные участки (οἰκόπεδα)<sup>3</sup>, три артаба засева, и рабы, живущие в этом месте — в Тобалмурах — Эфес, с. Адраста, Гераклид, с. Белетра, Тит, с. Манея, с. Каика; в Периасасотрах живущие — Кадой, с. Армананда, Адраст, с. Манея...». Эта категория земель во втором столбце надписи названа общим выражением — «участки»: «договор в отношении деревень и клеров и участков (χωρία)». Эти участки представляли собой собственность Мнесимаха и обрабатывались зависимыми земледельцами и рабами. Интересно отметить, что зависимые земледельцы, обрабатывавшие сады и οἰκόπεδα, жили на этих участках рядом с рабами. Т. Завадский (ZSAS, стр. 74) предполагает, что на частных землях, так же как и на царских и на городских, существовали две юридически различные категории крестьян — 1) живущих в деревнях и обязанных землевладельцу только уплатой форо́са и 2) тех, чьим трудом землевладелец мог распоряжаться по собственному усмотрению. Однако нет никаких данных предполагать существование каких-то резких граней между этими группами. Трудовые повинности общинников, о которых говорится в надписи (φόρος λειτουργικός), должны были выражаться в обработке клеров и приусадебных участков. Садово-виноградные участки требуют более высокой организации труда, чем пахотные земли, и обработка их требует личного надзора

<sup>1</sup> О значении слова τόπος в смысле административного округа в селевкидских надписях см. Cn. Clairmont, Ein Edict Antiochos' III, Mus. Helv., V, fac. 4 (1949), стр. 218—220.

<sup>2</sup> W. H. Buckler and D. M. Robinson, Greek inscriptions from Sardes I, AJA, XVI (1912), стр. 12—14. Издатели надписи, основываясь на упоминании в ней имени Антигона (в начале надписи: «...После того, как Херей расследовал... и позже хозяйство присудил мне Антигон»), датируют надпись IV в. до н. э. Однако шрифт надписи ближе к надписям конца III—начала II веков до н. э. (сигма и му с параллельными чертами; верхняя палочка у пи выходит за пределы основной конфигурации буквы). Что касается имени Антигона, то, поскольку в надписи отсутствует упоминание на царское достоинство, возможно, что это имя судьи, присудившего землю Мнесимаху. Т. Завадский в специальном исследовании об этой надписи предложил датировать ее последней четвертью III в. до н. э. Эта датировка кажется нам более убедительной. См. T. Z a w a d z k i, La date de l'inscription de Mnesimachos, «Charisteria Thaddeo Sinko», W., 1951, стр. 395 сл.

<sup>3</sup> Οἰκόπεδα означает приусадебные участки земли, вероятно, засаженные садово-виноградными культурами. Такое же значение это слово имеет в египетских текстах периода эллинизма (см. Струве, Право владения землями..., стр. 6).

господина или специального надсмотрщика<sup>1</sup>. Вполне вероятно, что, используя труд земледельцев на этих участках, Мнесимах, фактически распоряжавшийся всей землей<sup>2</sup>, мог оторвать земледельцев от их общин и поселить около садов и виноградников. Тот факт, что они жили и трудились рядом с рабами, должен был привести к тому, что их положение мало чем отличалось от положения рабов. В надписи Мнесимаха упоминается ряд имен рабов, которые работали в садах и на приусадебных участках Мнесимаха. Издатели надписи специально исследовали эти имена. По их мнению, большинство имен — лидийские (или распространенные в Лидии) и фригийские<sup>3</sup>. Фригийское же влияние чувствуется и в названиях деревень, находившихся на земле Мнесимаха<sup>4</sup>. Таким образом, можно сказать, что рабы, находившиеся у Мнесимаха, были местными жителями. Интересно, что имена рабов сопровождаются во всех случаях именами отцов, а в одном случае даже именем деда. Это значит, что отцы рабов и даже деды были известны господину. Семьи этих рабов по крайней мере в течение двух поколений обрабатывали эту землю. По всей вероятности, это — люди, чьи предки были общинниками, обрабатывавшими участки, которые перешли позднее в собственность Мнесимаха. Можно думать, что процесс превращения части зависимых земледельцев в рабов, сидящих на земле, шел не только на *χωρία* Мнесимаха. На это указывают и некоторые косвенные данные. Так, среди рабских надгробий Родоса мало встречается упоминаний карийцев и ликийцев. Большинство рабов происходило из соседних областей Малой Азии. Ростовцев при перечислении этнической принадлежности родосских рабов вообще не упоминает Ликии и Карию (САН, VIII, стр. 629). Такое положение может быть объяснено только тем, что рабов ликийцев и карийцев родосцы эксплуатировали в своих материковых владениях. Эту тенденцию к превращению местного населения в рабов можно проиллюстрировать фразой, которую Ливий вкладывает в уста ликийских послов в Риме. Послы говорят сенаторам, что родосцы делают все, чтобы «показать свое право и уничтожить всякое сомнение относительно того, что нет никакой разницы между ними (т. е. ликийцами) и рабами, купленными за деньги» (Liv., XII, 6, 12).

На самом Родосе, начиная с периода эллинизма, в надгробиях рабов упоминается категория *ἑγγενηὶς* (IGI, I, № 483—489; 545; 547; 748; 711 и др.). Тот же самый термин встречается в одном надгробии с острова Нисирова (IGI, III, 143). По мнению ван Гельдера, автора фундаментальной работы по истории Родоса, этим термином обозначали рабов, рожденных в рабстве, соответствующих латинским *vernae*<sup>5</sup>. Однако в литературных текстах термин *ἑγγενηὶς* означает — «туземный, родственник по племени»<sup>6</sup>. Кажется более вероятным, что *ἑγγενηὶς* — особая категория рабов из местного зависимого населения, о существовании которого на Родосе уже говорилось. Каково было положение этих рабов и отличалось ли оно

<sup>1</sup> Недаром К о л у м е л л а (I, 7) говорит о том, что в отдаленном поместье, где землевладелец отсутствует, поля нужно сдавать колонам. «Это правило в особенности относится к полям, засеянным хлебом, которым колон может принести гораздо меньше вреда, чем виноградникам и садовым насаждениям».

<sup>2</sup> Характерно, что Мнесимах закладывает храму Артемиды все свои земли, в том числе и те, которые находились у него на правах владения, причем в надписи указывается, что если Мнесимах или его потомки нарушат условия договора, то все заложенное имущество перейдет храму — то есть произойдет смена владельца без всякой санкции на то верховной власти. Правда, Мнесимах оговаривает, что если царь отберет у храма деревни или клеры, то Мнесимах возместит все убытки. Вероятно, последнее казалось Мнесимаху мало вероятным, иначе он не пошел бы на такое тяжелое условие.

<sup>3</sup> AJA, XVI (1912), стр. 28—41.

<sup>4</sup> Там же, стр. 41 сл.

<sup>5</sup> H. van Gelder, *Geschichte der alten Rhodier*, Haag, 1900, стр. 233.

<sup>6</sup> См. Liddel—Scott, s. v. *ἑγγενη-ἑτης*; ср. Her., II, 47.

чем-нибудь от положения купленных рабов и рабов-военнопленных, в настоящее время сказать невозможно.

Таково было в общих чертах положение зависимого сельского населения в полисах Западной Малой Азии. Распространение отношений зависимости на большие массы сельского населения сопровождалось ожесточенной борьбой этого населения за эксплуатирувавшими его полисами. В нашей литературе эта борьба рассматривалась, как правило, только в связи с восстанием Аристоника. Между тем борьбу зависимого населения можно проследить начиная с конца IV в. Уже в псевдо-аристотелевой «Экономике» (XIX), которую Ростовцев датирует концом IV в. до н. э. (SENHW, стр. 74—75), говорится, что земля Абидоса была не обработана из-за восстания (διὰ στασιασμὸν τῆς χώρας ἀργού γενομένης). Как уже указывалось, в надписях Приены имеются свидетельства о борьбе педиеев против Приены. Борьбе педиеев, поддерживаемых Магнесией (которая, возможно, тоже была какое-то время зависимой от Приены), посвящено несколько надписей<sup>1</sup>. Одно время Приене угрожала серьезная опасность, педиеи подступили к самому городу. Земли приенцев оказались в их руках, гражданское население на этих землях предавалось смерти. Поскольку жители Приены не могли справиться с восставшими, они были вынуждены пойти на некоторые уступки, возможно, педиеям были предоставлены права пареков<sup>2</sup>. Однако, как видно из следующего фрагмента надписи, педиеи и после этого продолжали борьбу с Приеной (RC, 8). Можно предположить также, что во время борьбы с галатами в III в. до н. э. к последним присоединились восставшие жители приенской хоры<sup>3</sup>. Свидетельства о борьбе зависимого населения против городов имеются и для II в. до н. э. В этом отношении интересна надпись II века до н. э. из родосских владений на материке, которая, как нам кажется, имеет отношение к этой борьбе: «Никагор, сын Памфилида, по усыновлении Никагора четырежды командовавший всем войском во внешних владениях во время войны и сохранивший район тармианов (τὰν Τ[αρμιανῶν?]) и крепости все невредимыми и вновь овладевший (ἀνακτησάμενος) землей писиетской и идимийской и киландийской и крепостями, которые в них находятся, — Посейдону Порфмию»<sup>4</sup>.

Термин ἀνακτησάμενος указывает на то, что эти владения или были завоеваны врагами, или отпали. Гиллер (ук. соч., стр. 250 сл.), основываясь на том, что в войске Писистрата, родосского стратега во II Македонской войне, были писеты, делает предположение, что Никагор — предшествен-

<sup>1</sup> Inschr. v. Priene, №№ 14; 15; 16.

<sup>2</sup> В одной из строк фрагмента надписи (RC, 8) есть выражение: . . . α: παροκτιν εν τη. . .

<sup>3</sup> Inschr. v. Priene, 17, [πρῶτον οἱ Γαλάται παρε[. . . . . εἰς τ[ῆ]ν] χώραν καὶ πο[λλοὶ τῶν στασιασάντων ἐν τῇ χώρᾳ κατὰ τῶν] πολιτῶν ἀν[τι] . . . . «галаты. . . в хору и многие из восставших в хоре против граждан. . .». Дальше в надписи говорится, что Сотас, сын Лика (в честь которого и поставлена надпись), повел на войну с галатами τῶν ἀπὸ τῆς χώρας τοῦς ἐπι[θ]υμῆσαν[τες] τὰς αὐτοῖς (т. е. с гражданами) συκ[ω]ν[δ]υ[ν]ε[ῖ]ς[ι]ν. . . . По-видимому, среди жителей χώρα были и такие, которые отнюдь не хотели «подвергаться опасности вместе с гражданами», а, возможно, даже открыто поддерживали галатов.

<sup>4</sup> IGI, 1, 1036. Восстановление Τ[αρμιανῶν] сомнительно, оно слишком длинно. Как считает Hiller v. Gaertringen, Nikagoras ein rodischer Stratege, «Archäologisch-epigr. Mitt. aus Österreich», 1893, стр. 248, возможно восстановление τ[ε] Περαιῶν и τ[ε] Ἀπειραν]. В SGI, № 4324 дается восстановление τ[ε] χώραν]. Последнее восстановление мало вероятно. Во-первых, оно слишком коротко для лакуны, во-вторых, дальше идет перечисление, какие именно земли вновь приобрел Никагор, и в первом случае также должно было быть указание, чью именно землю он сохранил. Восстановление τ[ε] Περαιῶν] также трудно принять, так как термин Περαιῶν] чисто литературный и в надписях не встречается (см. E. Meyer, Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasia, Lpz, 1925, стр. 49). Наиболее вероятно восстановление—τ[ε] Ἀπειραν].

ник Писистрата, и относит надпись к 201/0—198/7 гг. до н. э. Речь в надписи, по его мнению, идет о землях, захваченных македонцами. Но Ливий, который подробно рассказывает о II Македонской войне, ни слова не говорит о Никагоре. В честь того же Никагора поставлена надпись от имени объединения кедратов, расположенного недалеко от Идимы: ἀρ[ε]τ[ε]ῶν ἐνεκα καὶ εὐνοίας ἀν' ἑχθῶν διατελεῖ εἰς τὸ κοινόν (SGDI, 4269). В этой надписи нет никаких упоминаний о военных действиях, что, разумеется, должно было иметь место, если бы Никагор отвоевывал родосские владения у македонцев (во время этой войны Филипп захватил почти все владения Родоса на материке, в том числе и собственно Перею). Писеты могли быть в войске Писистрата, так как их область, находившаяся недалеко от Стратоникеи, вероятно, подпала под власть родосцев вместе с этой последней, т. е. в III в. до н. э. Нам кажется более вероятным, что жители перечисленных областей восстали против родосского господства, а Никагор подавил эти восстания. С этой точки зрения понятно умолчание о военных действиях в надписи кедратов: восстание не охватило эту область. Возможно, Никагора следует отождествить с родосским послом в Рим во время III Македонской войны (Polyb., XXVIII, 2,1; 16,5), тем более, что это был период ожесточенной борьбы с Родосом в Кари и Ликии. Борьба зависимого населения происходила не только против крупных, но и против мелких городов. В этом отношении интересна надпись из Аполлонии в Кари о посольстве на Родос (после освобождения Кари), где послам пришлось бороться с выступавшим против них посольством туземного населения (τοὺς ἀπικειμένους τῶν ἐγχωρίων)<sup>1</sup>.

Крупнейшим движением зависимого сельского населения было восстание Аристоника, где рабы выступали вместе с земледельцами. В задачу настоящей статьи не входит подробное освещение этого сложного движения, к сожалению, нашедшего недостаточное отражение в источниках. Кажется необходимым только подчеркнуть, что в этом движении основную роль играло население подчиненных городам территорий и царских земель. Как указывает О. Н. Юлкина, восстание вспыхнуло еще до смерти Аттала III и первоначально не имело антиримской направленности<sup>2</sup>. Во время этого восстания ни один город Малой Азии, исключая Фокею, не поддержал Аристоника. Крупные города вступили в решительную борьбу с восставшими<sup>3</sup>. Интересна пергамская надпись, относящаяся ко времени восстания, в честь некоего Менада, сына Менета, который был евергетом по отношению к гражданам, а также к негражданскому населению города и ксенам. Характерно, что вместо обычной формулы κατοικοῦντες τὴν πόλιν καὶ χώραν упоминаются только κατοικοῦντες τὴν πόλιν. Вся сельская территория была охвачена восстанием и, как говорится дальше в надписи, «все с полей было свезено к врагам (то есть восставшим. — И. С.), а большая часть земли оказалась незасеянной» (OGIS, 339). Судя по этой надписи, восстание охватило все слои населения сельской территории Пергама. Восстание это было тем более сильным, что единственным фронтом с зависимым населением выступали рабы. Рабовладельцы Пергама изданием закона 133 года о даровании прав гражданства различным группам населения пытались предотвратить переход их на сторону восставших, пытались расколоть ряды недовольных, противопоставляя царских и общественных рабов частным, которые не получали никаких прав. Но восстание продолжалось и было подавлено только с помощью римских войск в 128 г. Рабовладельцы Пергама вынуждены были пойти

<sup>1</sup> J. et L. Robert, La Carie, II, № 167.

<sup>2</sup> О. Н. Юлкина, Пергамский декрет 133 г., ВДИ, 1947, № 4, стр. 164.

<sup>3</sup> S t r a b o, XIV, 1, 38, говорит, что «очень скоро города послали против него (т. е. Аристоника) войска».

на дальнейшее расширение гражданских прав: в списки граждан оказались внесенными и *θρεπτοί* — домашние рабы<sup>1</sup>. Может быть, и положение жителей, зависимых от города, также было изменено.

Отдельные случаи борьбы населения хоры с городами имели место и после подавления этого восстания. Так, Страбон (XIV, 1, 26) рассказывает, что Артемидор эфесец, будучи послом в Риме, приобрел по суду отпавшую гераклиотскую землю: *τὴν Ἡρακλεῶτιν ἀφισταμένην*.

Дальнейшее изменение положения зависимого сельского населения Западной Малой Азии происходило уже в рамках Римской империи.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что характерной особенностью для малоазийских полисов эллинистического периода является эксплуатация зависимого сельского населения, организованного в общины, положение которого менялось на протяжении IV—I вв. до н. э. Наиболее важным моментом в этом изменении было то, что полисы все более полно и свободно распоряжались землями, прежде закрепленными за общинами, а это, в свою очередь, вело к усилению зависимости сельского населения как от города, так и от частных владельцев, в руки которых попадали земли общин.

Именно это усиление зависимости и служило основной причиной борьбы сельского населения с городами на протяжении всего периода эллинизма.

<sup>1</sup> Ath. Mitt., XXVII (1902), стр. 125 сл.

